

Биографическая серия «Алтай. Судьба. Эпоха», издающаяся под эгидой властей Алтайского края уже 7 лет (издано с рецензируемым 11 томов), весьма разнородна по подходу авторов к жизнеописанию своих героев. Есть работы чисто журналистские, то есть собранные материалы помещаются в некую биографическую рамку, «уминаются» в ней в естественной

хронологической последовательности. О контурах картины жизни героя книги, возможно, в этом случае говорить и справедливо, но постижения личности, особенностей натуры, сделавших героя человеком для Алтая важным, памятным, мы не увидим. Как ни парадоксально, то же можно сказать и о другой крайности — работах «научных». То есть, монографиях, уместных в рамках вузовских курсов, но изданных для широкого читателя без адаптации. Скучно ему, читателю! Не видит он здесь человека, которому можно сопереживать, которым можно восторгаться и учиться у него. Эпоха есть, а уникальность судьбы отсутствует. Впрочем, и в премированных большими российскими премиями биографиях указанные крайности тоже не редкость. Личность! Вот чего не хватает даже в модных биографиях.

У Ларисы Вигандт с этим все в порядке. Главное достоинство ее книги об Александре Родионове — удачное сочетание научной компоненты (архивные материалы, работа с источниками, специально взятые интервью и т. п.) и увлечение автора судьбой героя, с которым она была хорошо знакома много лет. Так что отчасти это и мемуары. В результате мы имеем интересное чтение (почти 500 страниц; внушительный список литературы и архивных источников прилагается), а главное — «стереопортрет» известнейшего алтайского краеведа, поэта и прозаика. Что и говорить, яркий, увлеченный, харизматичный Александр Михайлович достоин именно такого жизнеописания! Отмечу и уникальный свод фотоматериалов, сопровождающий книгу. Они ценны даже и сами по себе!

Очевидно, что в ходе работы автором были сделаны настоящие исторические открытия. Хоть монографию пиши. А можно и написать — ведь история и Алтай, и Сибири конца прошлого века как была, так и остается «слепым пятном». Мы знаем о первопроходцах, о целинниках (хотя, как многократно убеждал нас Родионов, знаем крайне мало), но не о горожанах и селянах 60–90-х годов XX столетия. Чем они жили? Что читали? Как добывали свой нелегкий хлеб и как оценивали перспективы развития своего края и всей страны? Обо всем этом у Ларисы написано подробно, методично, непротиворечиво — как и полагается в настоящем исследовании. Потому я об этом заговорил, что,

в отличие от большинства биографических книг, здесь удачно получилось сочетание героя и его фона, окружения, бэкграунда, как говорят сейчас. Это очень важно!

Ну, собственно, жизнь Александра Родионова дана нам во многих подробностях. Уточним: в тех, которые показались важны самому биографу. Еще одно важное и уместное качество Ларисы — это ее деликатность, сочетающаяся с бескомпромиссностью. Мягко, но упорно она отбрасывает лишнее, выбирает только то, что важно, по ее мнению, для создания портрета живого, увлекающегося Родионова. Мы, кто были знакомы с ним в разные годы жизни, невольно восклицаем: «А вот про это бы еще добавить! Вот об этом еще бы сказать!» Я уверен, Лариса знает о том и об этом не хуже, а гораздо лучше нас, но отсекает лишнее ради выпуклости картины. И правильно делает!

Родионов — ребенок из очень непростой семьи. Студент, начинающий литератор. Краевед. Прозаик. Общественный деятель как минимум сибирского масштаба. Все это в книге — один человек в его развитии. Как пишет о нем автор, «сибиряк, с нравом сильным и крутым, «с кремешком в норове»». Разнообразие документов, в том числе впервые введенных Вигандт в оборот, хорошо подходит разнообразию ипостасей Родионова. Те же письма — что к нему, что от него — одно удовольствие читать! А отрывки из дневника! Уж не говоря о прочитанных когда-то, но подзабытых страницах его книг. Вот как пишет Родионов в частном письме еще в начале 1980-х, когда только начинает заниматься Колыванью Камнерезной: «Почихал я архивной пылью, вороша документы, зато судьбы камнерезов стали понятнее и ближе. Не скрою, что принимался за дело ради возрождения культуры камня на Алтае, поскольку крест на ней поставить поставили, а раскрестить не собираются. Инертны, в первую очередь, местные власти, широкозадо прячущие от людей самоцветный камень. Воевать против этого можно только книгой и обязательно иллюстрированной». Как хорошо сказано! «Широкозадо»! Хоть снова повторяй, рассуждая о власти, сорок лет спустя! (Увы, сейчас мы мудрее, мы понимаем, что книгой дело не поправить...)

Справедливо основное место в книге отдано времени с середины 1980 годов по 2013-й, год кончины Александра Михайловича.

Тут он развернулся вовсю, очень многое успел (вроде и знали об этом, но все равно впечатляет). Множество книг и публикаций исторических и на злобу дня. Демидовский фонд. Летопись Барнаула. Большой роман «Князь-Раб». И много чего еще!

Разумеется, книга не сводится к перечислению неких биографических фактов, пусть и отобранных автором, с приложением отрывков из документов. Хороши и во многом справедливы, уж не говоря об их оригинальности, многочисленные рассуждения Вигандт о Родионове в различных контекстах и по разным поводам. Вот например: «интересно посмотреть на фамилию Александра Михайловича и на его писательские псевдонимы: Родинов, Ионов, Фатин. Судьба легко откликнулась — все есть у Родионова: родник и «Родник», Родина, одиночество. Мальчишкой, играя с буквами фамилии, выуживает он из нее слово «один». Свяжав себя с родом Ионовым, берет нечто и от жития ветхозаветного пророка Ионы, который «попытался убежать от Бога», да не вышло, конечно же, ничего. И главный герой родионовский — князь Гагарин — не лишен Ионовой судьбы».

Особое внимание Вигандт уделяет судьбе и сути родионовского *opus magnum* — романа «Князь-Раб». Судьба его сложилась вроде и удачно — был написан, издан, отмечен, пусть и на локальном уровне. А вместе с тем — он не стал событием на российском уровне. По мнению автора родионовской биографии, это несправедливо. «Конечно», — отвечу на это, но справедливостью в распределении литературных символических даров и не пахнет.

Невозможно читать без волнения о последних встречах автора книги и ее героя. «Он отматывал жизнь к началу. Через все свои свершения — к юности, детству. И сам, похудевший, без бороды, которую по его просьбе сбрил внук Павел, становился все больше похож на мальчика. Он давно у всех попросил прощения... Он всем был благодарен».

Что ж, остается и нам быть благодарными — и Александру Родионову, и автору книги о нем.

Михаил Гундарин